

Образ будущего в социальной реальности

Среди представлений человека об устройстве мира – населенного вещами, явлениями, идеями, живыми существами и в том числе людьми, – особое место занимают представления о будущем. Они играют роль своеобразной призмы, через которую рассматривается настоящее и от которой в значительной мере зависит, что в настоящем следует признавать существенным, а на что не следует обращать внимания.

Так, например, советские люди получали довольно много сведений о других странах, но только немногие “примеряли их на себя”, имея в виду возможность побывать за границей и посмотреть на “внешний мир” своими глазами. В тогдашних – вполне определенных – представлениях о будущем вероятность попасть за рубеж была столь ничтожна, что не имело смысла всерьез рассматривать такого рода планы.

В 90-е годы, после развала советского социального порядка, характер распространенных в обществе представлений о будущем радикально изменился: они потеряли определенность, так как за короткое время произошло столько невероятных событий, что практически невозможно было строить какие бы то ни было предположения относительно этого будущего. Оно, образно говоря, покрылось туманом и перестало просматриваться. Можно сказать, что “горизонт просмотра” будущего настолько приблизился, что оставалось только жить сегодняшним днем, не имея возможности заглянуть в день завтрашний. Такой способ существования, кстати, противен человеческой природе и приводит либо к отупению, либо к неврозу – потому-то сегодня столь многие клянут 90-е годы.

Социальные – то есть распространенные в обществе – представления о будущем характеризуются положением “горизонта просмотра” будущего и репертуаром возможных образцов поведения. В советское время горизонт создавал обширную зону видимости, и в ней был представлен довольно скудный набор вполне определенных и довольно длинных жизненных траекторий. В 90-е горизонт был слишком близок для сколько-нибудь продолжительных траекторий, текущая активность была слабо связана с какими-то замыслами и завтрашними смыслами.

Можно утверждать, что нынешняя ситуация довольно радикально отличается и от той, что была в советское время, и от ситуации 90-х: в начале нового века “горизонт просмотра” будущего отодвинулся, и в видимой перспективе возник обширный выбор из разнообразных практик в качестве образцов для собственного воспроизводства.

Изменившиеся “параметры” представлений о будущем приводят к новым социальным формам обращения с этим будущим. Они отличаются от хорошо известной и детально описанной Альфредом Шютцем формы, в которой человек конструирует для себя некоторый проект, устремленный в грядущее.

Согласно А. Шютцу, проектирование начинается с того, что действующее лицо – актер – рассматривает некоторый замысел в качестве значимой для себя цели и принимает решение о желании достичь ее. Далее он должен представить себе, что цель уже достигнута, и встать в своем воображении на позицию наблюдателя, глядящего из этого уже состоявшегося будущего на последовательность действий, которые привели к определенному результату. Он должен умозрительно “увидеть” такую последовательность, то есть прийти к пониманию того, как достичь цели.¹

1 *Чтобы спроектировать мое будущее действие в его развертывании, я должен перенести себя в фантазии в будущее время, когда действие будет уже совершено, когда результирующий поступок будет уже материализован. Только тогда я смогу реконструировать отдельные шаги, которые произведут этот будущий поступок.*
Шютц А. Выбор между проектами действия // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 118.

Кроме того, актер должен “примерить на себя” понятый им план действий и сделать вывод, что он знает, как его реализовать. Для этого он должен обладать обобщенным и типизированным опытом предшествующих осуществлений подобных проектов.^{II}

Далее актер должен оценить собственные возможности и ресурсы, а также принять во внимание предполагаемые обстоятельства – не зависящие от него, но могущие оказать влияние на судьбу проекта. И если – в конце этой длинной цепочки – у актора складывается мнение о практической осуществимости проекта, то этот проект становится его Проектом, и он приступает к реализации.

Важно отметить, что для возникновения проекта необходим достаточно обширный запас знаний, имеющих явно выраженный социальный характер. Во-первых, актер должен почерпнуть в социальной реальности саму идею замысла, а для перевода ее в желательную цель заимствовать из того же источника доказательства ее полезности, престижности, приоритетности и прочие обоснования мотива ее достижения. Во-вторых, как отмечалось, должен быть освоен предшествующий опыт воплощения такого рода проектов. В-третьих, должны быть взвешены шансы на успешное осуществление проекта, а это невозможно без обращения к социальному запасу знания.^{III}

И здесь возникает главный вопрос, ради которого написан данный текст: а если актер не обладает какими-то из указанных видов знаний или его знания расплывчаты и неопределенны? В этих случаях проектов еще нет, но и в таких обстоятельствах реальные актеры как-то структурируют будущее, пусть в форме *предпроектов* или *квазипроектов*. Такие ситуации – не исключения; наоборот, они – скорее правило, особенно для инновационных практик, постепенно охватывающих слабо разбирающихся в них людей.

Возьмем в качестве иллюстрации только-только зарождающуюся в России практику приобретения акций предприятий. Согласно нашим опросам¹, лишь около 3% взрослого населения страны имеют опыт покупки акций. Около 9%, будь у них крупная сумма свободных денег, потратили бы ее именно на российские ценные бумаги². Конечно, эти две группы пересекаются, но в целом можно предположить, что именно в них – наибольшая готовность к инвестиционному поведению. Это подтверждается вполне осмысленными ответами на вопросы об информированности, компетентности, мотивации вложений.

Но как относиться к тому, что на вопрос “Если бы Вам позволяли финансовые возможности, Вы бы купили или не купили акции какой-либо российской компании?” ответ “да, купили бы” дали 31% (!) опрошенных. Ясно, что это не форма запроецированного будущего, а скорее, предварительная *диспозиция, предрасположенность* к тому, чтобы именно так потом проектировать свое будущее. Своего рода массовое *предпроектное состояние*.

Можно сказать и так: проекты устремлены в завтра, а смутные предпроекты отражают уже распространившиеся ощущения того, что завтра могут возникнуть проекты, устремленные в послезавтра. А опросы не только приоткрывают это “социальное завтра”, но и дают возможность заглянуть в то, что, возможно будет после него.

Александр Ослон,
президент Фонда “Общественное мнение”, главный редактор журнала

¹ Общероссийский опрос населения от 22–23 июля 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

² Россиян спрашивали: “Представьте, что у Вас есть крупная сумма денег, которую Вы можете не тратить в течение нескольких лет. Какой из перечисленных вариантов Вы бы предпочли?” Можно было выбрать один ответ из предложенного списка: “положить деньги на счет в Сбербанке”; “хранить деньги дома”; “купить акции какой-нибудь крупной компании”; “положить деньги на счет в другом банке (не в Сбербанке)”; “вложить деньги в ПИФ” или дать другой ответ.

II ...спроектированный поступок будет раз-
вертываться типиче-
ски подобно тому, как
развертывались все
типически подобные
прошлые поступки,
известные ему на мо-
мент проектирования.
Там же. С. 121.

III ...мой наличный
запас знания состоит
не только из опытов,
непосредственно
и изначально пережи-
тых мною самим.
Большая его часть,
скорее, социально
почерпнута: она обра-
зуется из опытов,
которые были непо-
средственно и изна-
чально пережиты мои-
ми собратьями, пере-
давшими их мне.
Поэтому я полагаю –
или, лучше сказать,
принимаю на веру
в практике повседне-
вой жизни, – что налич-
ное знание, которым
располагают другие
люди, в какой-то
степени совпадает
с моим...

Шютц А. Тиресий, или
наше знание будущих
событий // Там же.
С. 672.